

Судакова Т.М., Васильева Н.В.*

Антикоррупционная экспертиза в оценках эффективности антикоррупционной политики

Аннотация: Эффективность реализуемого сегодня широкого спектра стратегических мер, направленных на снижение коррупционно-криминогенного потенциала многих сфер жизнедеятельности, напрямую зависит от результативности отдельных, ключевых направлений. Институт антикоррупционной экспертизы (АКЭ) законодательства, на текущий момент имеющий существенную наработанную теоретико-методологическую и организационную основу, требует дальнейшего совершенствования и устранения выявляемых недостатков. Почти десятилетний период функционирования правового института АКЭ характеризуется стабильным приростом числа проводимых экспертиз с соответствующей положительной динамикой числа выявленных коррупциогенных факторов, как и корреспондирующего с этими показателями количества внесенных поправок и изменений в нормативно-правовые акты. Это обстоятельство, тем не менее, вызывает неоднозначные оценки такой динамики, которые дают специалисты, с отзывами о нередко присутствующем формализме и типовых, шаблонных действиях экспертов и иных субъектов, участвующих в многостороннем механизме осуществления института АКЭ. Анализ опубликованной информации на сайтах профессиональных субъектов реализации АКЭ с позиции количественных данных свидетельствует о действенности данного института. Однако истинные критерии

*Судакова Татьяна Михайловна - кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Института государства и права Байкальского государственного университета, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: krime@mail.ru.

Васильева Наталья Викторовна – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой предпринимательского и финансового права Института государства и права Байкальского государственного университета, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: nativi@yandex.ru.

эффективности, связанные с повышением качества законотворческого процесса как желаемого итога реализации АКЭ, нельзя сводить к оценке только количественных показателей такого рода. Мониторинги эффективности принимаемых сегодня мер в контексте АКЭ закономерно указывают на качественные критерии такой эффективности. Их распространение на механизм экспертной оценки муниципальных нормативно-правовых актов (НПА) и их проектов позволяет актуализировать задачу повышения качества законотворческого процесса на всех уровнях деятельности органов власти. Муниципальные НПА занимают важное место как по объему принимаемых решений, так и по широте сфер общественных отношений, которые ими регламентируются, что ставит задачу оценки качества таких актов на новый уровень. Анализ региональной экспертной оценки муниципальных НПА (на примере Иркутской области) позволил сравнить сложившиеся в этой сфере практики и выявить типичные обстоятельства, снижающие антикриминогенный потенциал АКЭ. Экспертиза на предмет выявления коррупциогенных факторов в правоприменительных актах - в персонифицированных решениях муниципальных органов - не является распространенной практикой. Вместе с тем именно такие НПА индивидуального уровня выступают серьезным регулятором правовой сферы жизнедеятельности граждан, поскольку связаны с решениями о предоставлении господдержки, выделении различного вида квот, распределении инвестиций и т. д.

Ключевые слова: Антикоррупционная экспертиза нормативно-правовых актов; региональная практика антикоррупционной экспертизы; антикоррупционная экспертиза муниципальных нормативно-правовых актов (проектов).

Практическая реализация одного из важнейших и ключевых направлений антикоррупционных стратегических мер – института

антикоррупционной экспертизы (АКЭ) – стала сегодня предметом пристального внимания и оценки научного сообщества и правоприменителя [1-9]. Совершенствование практики выявления и устранения коррупционных факторов, которые могут содержаться в НПА (и их проектах), при наличии уже сформированной достаточно весомой и серьезной основы ее дальнейшего воплощения является одним из актуальнейших направлений. АКЭ как правовой институт представляет собой, как известно, частный случай правовой экспертизы, ее самостоятельную разновидность. Будучи инструментом совершенствования нормотворчества, АКЭ обладает достаточно высоким антикриминогенным потенциалом, с чем согласны специалисты, профессионально занимающиеся данной сферой антикоррупционной деятельности.

Серьезный теоретико-прикладной опыт, наработанный почти десятилетней практикой существования и применения института АКЭ, одновременно и настоятельно указывает на возникающие при этом проблемы [10-23]. Необходимость дальнейшего совершенствования института АКЭ, дальнейшая наработка теоретико-методологической базы требуют систематизации такой деятельности, дальнейшей детализации методики выявления и оценки криминогенных факторов. Разработанные и используемые сегодня в науке оценки эффективности антикоррупционных мероприятий сводимы к ряду показателей, наличие которых позволяет судить о достижении обозначенных в стратегических документах целей и задач. Повышение качества проводимых экспертных исследований выступает необходимым элементом оценки эффективности всей стратегии антикоррупционной деятельности, ее результативность связана с приращением прикладных умений по оценке, дальнейшей классификации криминогенных факторов как основы выработки конкретизированных приемов их выявления.

Анализ опубликованных аналитических сведений о результатах деятельности конкретных органов власти по реализации антикоррупционной экспертизы позволяет свидетельствовать как об уровне такой активности, так и о наличии типовых проблем, требующих единообразного подхода к их разрешению. При этом показательными являются подходы аналитиков и субъектов антикоррупционной экспертизы, которые разнятся критериями оценки эффективности такой деятельности. Так, для экспертов стабильно высокий удельный вес криминогенных факторов - показатель отсутствия результативности их работы, для правоприменителей - нередко свидетельство высокой эффективности принимаемых мер. По оценкам ученых, в российских нормативно-правовых актах, несмотря на проводимую работу, стабильно сохраняется показатель на уровне 4–5 % постоянно выявляемых коррупциогенных факторов, и это без учета реально существующих коррупционных практик [3, с. 24]. Опубликованная статистическая отчетность базируется на показателях о количестве внесенных прокурорами требований, протестов, исков об исключении коррупциогенных факторов, итоговом количестве исключенных факторов как результате такой деятельности. Так, для исключения 41,6 тыс. коррупциогенных факторов в течение года прокурорами внесено более 2,3 тыс. требований, принесено более 30 тыс. протестов, направлено 129 исков (заявлений) в суды, внесено 852 представления и направлено 185 информационных. В результате проделанной работы коррупциогенные факторы исключены из более чем 25,6 тыс. нормативно-правовых актов. На официальном сайте Генеральной прокуратуры Российской Федерации приведенные статистические данные оценивают как свидетельство высокой эффективности принимаемых прокурорами мер по реализации антикоррупционной экспертизы¹.

1

Таким образом, традиционная отчетность, размещаемая на официальных порталах профессиональных субъектов применения АКЭ, сводится к количеству внесенных требований об исключении коррупциогенных факторов, принесенных протестов, направленных исков (заявлений) в суды и информации, внесенных представлений. Обозначенные аспекты процессуальной деятельности по реализации федерального законодательства об АКЭ, безусловно, отражают интенсивность предпринимаемых мер, что необходимо для наличия формальных показателей работы и ее эффективности. Вместе с тем, как полагают ученые, именно снижение показателей количества выявляемых коррупциогенных факторов одновременно отражает положительные тенденции в воплощении базовых принципов и стратегических целей антикоррупционной политики.

Не случайно специалисты говорят об адаптации законодательно определенной процедуры и всего механизма АКЭ под разработчиков НПА из органов исполнительной власти с очень низким организационным уровнем реализации этой процедуры в работе законодательной и судебной власти [3, с. 24].

АКЭ, будучи наиболее регламентированным видом правовой экспертизы, должна отражать антикриминогенный потенциал в сфере выявления и устранения коррупциогенных факторов в нормах права. Насколько полноценно реализуются сегодня полномочия субъектов РФ в данной сфере антикоррупционной деятельности, является предметом активного обсуждения в науке.

Законодательно установленные критерии реализации АКЭ, как известно, определили множественность субъектов, участвующих в этом механизме, что, в свою очередь, обозначило и конкретные проблемы их деятельности и взаимодействия в данном контексте.

Как субъекты АКЭ, территориальные органы Управления Минюста в основу показателей эффективности и результативности своей деятельности в

этой сфере закладывают комплекс количественных показателей, традиционно и повсеместно используемых в общероссийской практике. Применительно к оценке НПА муниципальных органов власти используется регулярная отчетность о количестве поступивших муниципальных правовых актов и количестве актов с выявленными коррупционными факторами в их соотношении. Своевременное приведение уставов муниципальных образований Иркутской области (ИО) в соответствие с действующим законодательством, а также предупреждение внесения в муниципальный акт коррупционных положений рассматриваются данным субъектом АКЭ как комплекс мер по реализации положений об АКЭ НПА субъектов Российской Федерации и уставов муниципальных образований².

Так, согласно имеющейся отчетности, всего с августа 2009 г. по 2012 г. Управлением Минюста РФ по ИО проведена антикоррупционная экспертиза 1 893 муниципальных актов, в 50 из них были выявлены коррупционные факторы. Выявленные коррупционные факторы из уставов муниципальных образований исключены. Сроки устранения выявленных коррупционных факторов составили от двух месяцев до одного года. При этом увеличение количества поступивших в Управление муниципальных правовых актов не повлекло увеличения количества актов с выявленными коррупционными факторами. В последующие пять лет в целом наблюдается положительная динамика, связанная с приростом количества проводимых экспертиз и выявленных НПА с коррупционными факторами. Практика работы Управления Минюста РФ по ИО показала, что наиболее часто встречающиеся коррупционные факторы в муниципальных актах - широта дискреционных полномочий, а также чрезмерная свобода подзаконного нормотворчества. Коррупционные факторы выявлялись в основном в положениях, устанавливающих гарантии для выборных лиц местного самоуправления. Установленная законодательством самостоятельность

² Управление Министерства юстиции Российской Федерации по Иркутской области : офиц. сайт. URL: <http://to38.minjust.ru>.

органов местного самоуправления в регулировании вопросов по закреплению гарантий для выборных лиц привела к проявлению коррупциогенных факторов в уставах. При этом наиболее характерные коррупциогенные факторы, выявленные в нормативно-правовых актах субъектов Российской Федерации, - это широта дискреционных полномочий (24 %), принятие нормативно-правового акта за пределами компетенции (24 %), выборочное изменение объема прав (14 %), отсутствие или неполнота административных процедур (12 %)³.

Взаимодействие территориальных органов юстиции с прокуратурой при организации работы по устранению коррупциогенных факторов в муниципальных актах, в соответствии с федеральным законодательством, заключается в направлении в прокуратуру копий заключений, подготовленных по результатам АКЭ. Работа органов прокуратуры в данном контексте имеет специфику в механизме устранения выявляемых самой прокуратурой в ходе проводимых ею АКЭ криминогенных факторов. Согласно опубликованной отчетности, в первом квартале 2017 г. прокуроры, реализуя полномочия, предоставленные федеральным законодательством, провели антикоррупционную экспертизу более 5 400 нормативно-правовых актов (в первом квартале 2016 г. - более 4 900 актов). Выявлено 112 нормативно-правовых актов, содержащих 186 коррупциогенных факторов (в первом квартале 2016 г. - 191 акт и 248 коррупциогенных факторов), с целью исключения которых прокурорами внесено три требования (в аналогичном периоде прошлого года - 13), принесено 104 протеста (в аналогичном периоде прошлого года - 159), внесено 4 представления (в аналогичном периоде прошлого года - 12). В результате проделанной работы коррупциогенные факторы исключены из 35 нормативно-правовых актов (в первом квартале 2016 г. - 140)⁴.

³ Прокуратура Иркутской области : офиц. сайт. URL: <https://www.irkproc.ru>.

⁴ Прокуратура Иркутской области : офиц. сайт.

Приведенные статистические данные, как полагают сами субъекты АКЭ, свидетельствуют о повышении качества подготовки нормативно-правовых актов органами власти и местного самоуправления. При этом следует помнить, что законодательно установленный рекомендательный характер заключения территориального органа Минюста РФ не обязывает государственный орган, принявший НПА, устранять выявленные коррупциогенные факторы, что выступает обстоятельством, противодействующим полноценной реализации механизма АКЭ.

Судебные органы, как субъекты профилактики коррупционных отношений, в рамках законодательно определенных полномочий самостоятельно не осуществляют устранение коррупциогенных факторов в НПА или их проектах. В рамках рассмотрения административного дела об оспаривании НПА судом принимается решение об удовлетворении заявленных требований в части полного либо частичного признания оспариваемого НПА не соответствующим иному НПА и, соответственно, не действующим полностью либо частично. Второй возможный вариант судебного решения связывается с отказом в удовлетворении заявленных требований в случае признания оспариваемого НПА соответствующим частично либо полностью иному НПА, имеющему бóльшую юридическую силу. Проекты НПА при этом, как известно, являться предметом судебного разбирательства не могут.

Практика признания судами наличия коррупциогенных факторов достаточно распространена, однако иницируется она в подавляющем большинстве решений органами прокуратуры. Среди выделяемых специалистами причин невысокой эффективности судебных органов в реализации законодательно определенных положений об АКЭ приводят отсутствие в процессуальном законодательстве норм, стимулирующих активное участие судов в самостоятельном выявлении криминогенных факторов. Кроме того, сегодня значительное распространение получила

судебная практика признания незаконным бездействия органов власти и обязывания последних провести АКЭ НПА. Как отмечают исследователи, в целом по России таких решений по состоянию на период 2016 г. - 1 970, что составляет 45,4 % всех решений судов по АКЭ НПА. Данный показатель свидетельствует прежде всего о массовом неисполнении федерального законодательства об АКЭ НПА органами местного самоуправления в Российской Федерации. Деятельность судов при этом и в данном аспекте инициируется в 80 % случаев органами прокуратуры. Изложенные критерии показывают отсутствие самостоятельного, системного подхода в работе судов по применению положений об АКЭ [3, с. 28].

Причины отсутствия результативности заключений АКЭ, проводимых независимыми экспертами, стоит рассматривать прежде всего через неэффективность механизма ее реализации в данном случае. Неопределенность последствий проведения независимой экспертизы оказывает непосредственное влияние на ее развитие. Так, специалисты заявляют о необходимости полноценного информирования эксперта о получении заключения адресатами, о предоставлении права обращаться в прокуратуру в ситуации несогласия с итоговым решением адресата по полученному заключению. В этой связи представляется, что большим потенциалом обладает придание независимой экспертизе характера обязательного экспертного заключения. Введение контроля качества самих заключений независимых экспертиз и соответственно ему установление ответственности должностных лиц за неисполнение предписаний независимых экспертов, как и закрепление правил оценки заключений независимых экспертиз путем создания комиссий при правовых службах юридических лиц, следует рассматривать как целесообразную меру повышения эффективности данного вида АКЭ [4, с. 66].

Характеристика регионального опыта в рассматриваемой сфере наглядно демонстрирует возрастающую активность субъектов в проведении

АКЭ, проявляющуюся прежде всего через количественные закономерности. Качественная же результативность такой деятельности должна отражать активность в направлении принятия итоговых решений об изменении правовых норм, а также о формировании и развитии методологии исследования и появлении и систематизации новых видов коррупционных факторов. Этот аспект работы субъектов не является сегодня достаточно активным.

Вместе с тем разрабатываемые на методологическом уровне экспертные критерии оценки эффективности АКЭ, получаемые в том числе посредством постоянного мониторинга правотворческой деятельности, ориентируют практику в несколько иное русло. Следует согласиться, что ни количество правовых актов, в отношении которых проведена экспертиза, ни количество выявленных коррупциогенных факторов, ни количество полученных заключений независимой экспертизы сами по себе не свидетельствуют об эффективности применения АКЭ [5, с. 28-30]. Более важными и содержательными являются критерии, отражающие взаимосвязь двух или более параметров проводимых АКЭ. К таковым относятся показатели комплексные, оцениваемые через соотношение (взаимосвязь) как минимум двух важных характеристик работы субъекта АКЭ. К примеру, соотношение количества выявленных коррупциогенных факторов с количеством нормативно-правовых актов, прошедших антикоррупционную экспертизу; соотношение количества действующих нормативно-правовых актов, прошедших внутреннюю антикоррупционную экспертизу, с общим количеством действующих нормативно-правовых актов государственного или муниципального органа; соотношение количества нормативно-правовых актов, в которых выявлены коррупциогенные факторы, с количеством нормативно-правовых актов, в которые были внесены изменения в целях устранения коррупциогенных факторов; соотношение количества нормативно-правовых актов, в которых органами прокуратуры, органами

юстиции и независимыми экспертами были выявлены коррупциогенные факторы, с количеством нормативно-правовых актов, в которых в результате внутренней антикоррупционной экспертизы не обнаружены коррупциогенные факторы [5, с. 29].

Деятельность экспертов в аспекте повышения качества экспертных заключений напрямую связана со знанием и соблюдением выработанных в теории принципов, служащих ориентиром достижения эффективных результатов. В науке выделяют принципы системности, обязательности проведения АКЭ по отношению к деятельности отдельных субъектов и их полномочиям в этой сфере, принцип проверяемости результатов АКЭ, а также принцип взаимодействия органов Минюста с другими субъектами АКЭ. Их использование в качестве базовых категорий при проведении экспертных исследований способствует дальнейшему обогащению и развитию института АКЭ, совершенствованию ее методических основ. Такие принципы должны быть и стать общеизвестными и общепризнанными и служить ориентиром экспертной деятельности, в частности в области определения типологии проявлений коррупциогенных факторов и приведения конкретных приемов их выявления [6].

Характеристика основных количественных показателей проведенных Институтом законодательства и правовой информации им. М.М. Сперанского (аккредитованным в качестве юридического лица, имеющего право на проведение независимой АКЭ) антикоррупционных экспертиз отражает динамику возрастания активности в проведении экспертизы нормативно-правовых актов федерального, регионального и местного уровней в этой сфере за последние пять лет. Так, если за 2013 г. было проведено 70 экспертиз различных нормативно-правовых актов и их проектов, то за последний, 2017 год была проведена 3 161 экспертиза (основную долю в них занимают правовые и антикоррупционные экспертизы муниципальных нормативно-правовых актов, включенных в Регистр

муниципальных нормативно-правовых актов Иркутской области). Такое существенное возрастание количества проведенных экспертиз привело и к увеличению числа выявляемых коррупциогенных факторов. На сегодняшний день каждое второе заключение экспертизы, проведенной Институтом законодательства и правовой информации им. М.М. Сперанского, содержит замечания о наличии в нормативно-правовом акте коррупциогенных факторов. При этом имеет место положительная динамика выявления отдельных видов коррупциогенных факторов. Так, по сравнению с 2013 г. в 2017 г. существенно снизилось количество случаев выявления такого коррупциогенного фактора, как принятие нормативно-правового акта за пределами компетенции.

Дальнейший механизм работы по выявлению коррупциогенных факторов и их устранению сводится к размещению заключений по проведенным экспертизам на сайтах Института законодательства и правовой информации им. М.М. Сперанского и разработчика нормативно-правового акта. В случае выявления коррупциогенных факторов по результатам экспертизы муниципальных НПА, включенных в Регистр муниципальных нормативно-правовых актов Иркутской области, осуществляется направление экспертных заключений издавшим акт муниципальным образованиям.

Измерение эффективности такой деятельности в оценках самих экспертов, реализующих предписания антикоррупционной экспертизы, происходит через существующие проблемы качественного плана. Так, оценки самого механизма осуществления АКЭ нельзя назвать оптимистичными, позволяющими с уверенностью прийти к выводу о наличии оптимального взаимодействия между всеми субъектами проведения АКЭ. Немаловажным фактором, значительно снижающим эффективность экспертизы муниципальных НПА, по мнению экспертов, выступает уже обозначенный и общеизвестный рекомендательный характер заключения и

отсутствие четко регламентированных сроков для устранения выявленных коррупциогенных факторов самими разработчиками НПА.

По вопросу о реализации механизма отслеживания итоговых решений муниципальных органов по устранению криминогенных факторов эксперты сообщили, что только направление муниципального акта на повторную экспертизу влечет ознакомление с итоговыми действиями муниципальных органов. Для самих экспертов в этом контексте стратегически важным представляется сам факт выявления и оценки недостатка правовой нормы в качестве коррупциогенного фактора, как и размещение заключения в соответствующем законодательном порядке, и только.

Анализ самих заключений АКЭ муниципальных НПА позволил определить типичные криминогенные факторы, выявляемые в ходе работы. Например, к числу наиболее распространенных относятся такие, как широта дискреционных полномочий, отсутствие и неполнота административных процедур, наличие завышенных требований к лицу, предъявляемых для реализации принадлежащего ему права, определение компетенции по формуле «вправе», а также юридико-лингвистическая неопределенность.

Так, в рамках правовой и антикоррупционной экспертизы постановления главы администрации муниципального образования «Новоленино» «Об утверждении административного регламента предоставления муниципальной услуги «Предоставление земельных участков, расположенных на территории муниципального образования «Новоленино», государственная собственность на которые не разграничена, на торгах» от 14 сентября 2015 г. № 170 было установлено наличие такого коррупциогенного фактора, как широта дискреционных полномочий - отсутствие или неопределенность сроков, условий или оснований принятия решения, что выразилось в следующих нарушениях: в отсутствии у главы администрации муниципального образования «Новоленино» компетенции по установлению требований к документам, представляемым заявителем, указании не общего срока

предоставления муниципальной услуги, а сроков отдельных административных процедур, неустановлении порядка информирования заинтересованного лица о его праве подать жалобу и пр.

Отсутствие и неполнота административных процедур были выявлены при правовой и антикоррупционной экспертизе постановления администрации муниципального образования «Хареты» «Об утверждении положения о порядке передачи муниципального имущества в безвозмездное пользование» от 24 марта 2017 г. № 45, что выразилось в отсутствии в положении порядка и сроков регистрации заявления о предоставлении в безвозмездное пользование муниципального имущества.

Выявляется наличие завышенных требований к лицу, предъявляемых для реализации принадлежащего ему права. В частности, при проведении правовой и антикоррупционной экспертизы решения думы Шара-Тоготского муниципального образования «Об утверждении положения о порядке формирования, ведения, обязательного опубликования перечня муниципального имущества Шара-Тоготского муниципального образования, свободного от прав третьих лиц (за исключением субъектов малого и среднего предпринимательства), предоставляемого во владение и (или) пользование субъектам малого и среднего предпринимательства, а также о порядке и условиях предоставления в аренду включенного в него имущества» от 29 марта 2017 г. № 62 было установлено, что субъекты прикладывают к заявлению копии свидетельства о государственной регистрации, свидетельства о постановке на учет в налоговом органе (ИНН), свидетельства о внесении в Единый государственный реестр индивидуальных предпринимателей (ЕГРИП).

Из принципов, отражающих методологический инструментарий при проведении экспертиз по выявлению и оценке коррупциогенных факторов, экспертами выбирается базовый принцип системности, представляющий оценку нормативно-правового акта во взаимосвязи с другими нормативно-

правовыми актами. Так, анализ положений решения думы Юбилейнинского муниципального образования «Об установлении и введении в действие на территории Юбилейнинского муниципального образования налога на имущество физических лиц» от 20 апреля 2017 г. № 150/3 с применением данного принципа позволил выявить такой коррупциогенный фактор, как принятие нормативно-правового акта за пределами компетенции, в части установления нормативно-правовым актом права на налоговую льготу категории налогоплательщиков, определенных п. 1 ст. 407 НК РФ, а также предоставления ими заявления и уведомления о праве на льготу.

Принципы проверяемости результатов АКЭ и взаимодействия субъектов АКЭ, являющиеся одними из базовых, реализуемые в деятельности Института законодательства и правовой информации им. М.М. Сперанского, позволяют полноценно использовать методику и методологические основы и формулировать объективные выводы.

Таким образом, региональная практика применения законодательства об АКЭ изобилует коррупциогенными факторами, являющимися в указанной сфере традиционными и не имеющими существенной специфики в сравнении с общероссийской практикой. Коррупциогенные факторы преобладают в муниципальных актах, и в этом аспекте местная региональная практика также не имеет специфики в сравнении с иными регионами.

АКЭ правоприменительных актов индивидуального уровня в работе Института законодательства и правовой информации им. М.М. Сперанского не присутствует, поскольку не включена в план его деятельности учредителем - аппаратом губернатора Иркутской области и правительства Иркутской области.

Таким образом, следует констатировать, что сегодня накоплен существенный эмпирический материал о деятельности органов юстиции и прокуратуры в аспекте проведения антикоррупционной экспертизы, значимый для исследователей. Кроме того, имеют место экспертные

заклучения независимых экспертов, предусмотренные законодательством. Они незначительны по степени их распространенности, однако сам факт возможности их проведения и реального воплощения является свидетельством активизации гражданского общества в реализации антикоррупционной политики. При этом проблемы практического воплощения независимой экспертизы требуют дальнейшего совершенствования. Субъекты официальной антикоррупционной экспертизы нарабатывают практический опыт. При этом он отличается, как правило, традиционным однообразием, типовыми выявляемыми коррупциогенными факторами и их типовой оценкой.

Муниципальные НПА занимают важное место и по объему принимаемых решений, и по сферам общественных отношений, которые ими регламентируются. Анализ региональной практики АКЭ муниципальных НПА и их проектов позволил обозначить типичные криминогенные факторы, существующие организационно-правовые сложности в достижении итоговых задач антикоррупционной экспертизы законодательства. Процесс совершенствования такой деятельности неотъемлем от дальнейшей разработки и воплощения принципов методологии экспертного исследования, методики проводимых исследований, детализации и дальнейшей нормативной регламентации механизма взаимодействия и взаимосвязи субъектов АКЭ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Астанин В. В. Антикоррупционная экспертиза в вопросах доктрины и практики / В. В. Астанин // Российская юстиция. — 2016. — № 8. — С. 5–9.
2. Астанин В. В. Диалектика современного состояния муниципального правотворчества / В. В. Астанин // Российская юстиция. — 2016. — № 3. — С. 14–17.

3. Южаков В. Н . Судебная практика по вопросам антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: современные тенденции и пути совершенствования / В. Н. Южаков, А. А. Ефремов // Арбитражный и гражданский процесс. — 2016. — № 10. — С. 23–29.
4. Лой Е.В. Перспективы совершенствования института антикоррупционной экспертизы в рамках проведения административной реформы / Е. В. Лой // Административное право и процесс. — 2017. — № 12. — С. 64–67.
5. Перевалов В.Д . О методологических основах оценки эффективности мер противодействия коррупции / В. Д. Перевалов, С. Д. Хазанов // Российский юридический журнал. — 2016. — № 2. — С. 22–31.
6. Методические рекомендации по проведению правовой и антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований (с иллюстрацией на конкретных примерах) / В. В. Астанин [и др.]. — М. : Изд-во НЦПИ, 2017. — 56 с.
7. Ким А. В. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов, выполняемая территориальными органами Минюста России: должное и сущее в юридической практике / А. В. Ким // Законодательство и экономика. — 2016. — № 12. — С. 45–49.
8. Качалов В. В . Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов как одна из мер профилактики коррупции на муниципальном уровне / В . В . Качалов // Муниципальная служба: правовые вопросы. — 2016. — № 1. — С. 26–29.
9. Гаврилов Е. В. Пределы дискреции регионального законодателя по вопросам ведения субъекта Российской Федерации / Е. В. Гаврилов // Реформы и право. — 2016. — № 1. — С. 33–41.

10. Кирилин А. В. Антикоррупционная экспертиза НПА: проблемы правового регулирования и правоприменительной практики / А. В. Кирилин // Юстиция. — 2016. — № 3. — С. 52–62.

11. Правотворческие ошибки: понятие, виды, практика и техника устранения в постсоветских государствах: материалы Междунар. науч.-практ. круглого стола (29–30 мая 2008 г.) / под ред. В. М. Баранова, И. М. Мацкевич. — М. : Проспект, 2009. — 1120 с.

12. Правовые акты: антикоррупционный анализ : науч.-практ. пособие / И. С. Власов [и др.] ; отв. ред. Ю. А. Тихомиров, Т. Я. Хабриева, В. Н. Найдено. — М. : Контракт, 2009. — 167 с.

13. Южаков В. Н. Методика мониторинга внедрения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов в нормотворческую деятельность / В. Н. Южаков, А. А. Ефремов, А. М. Цирин // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2015. — № 1. — С. 92–103.

14. Воронина Ю. И. К вопросу о содержании принципов антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов в Российской Федерации / Ю. И. Воронина // Вестник Удмуртского университета. Сер.: Экономика и право. — 2013. — № 2-1. — С. 115–121.

15. Дадонов Т. Е. Независимая антикоррупционная экспертиза: проблемы и направления развития / Т. Е. Дадонов // Современные проблемы взаимодействия российского государства и общества : сб. тр. — Саратов, 2016. — С. 124–126.

16. Леоненко Н. Т. Независимая антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов: осмысление теории и практики / Н. Т. Леоненко // Развитие территорий. — 2016. — № 3-4 (6). — С. 28–34.

17. Южаков В. Н. Возможности повышения результативности антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов

нормативных правовых актов / В. Н. Южаков, А. А. Ефремов // Государственное управление: в поисках результативности : сб. науч. работ / под ред. В. А. Мау, С. Е. Нарышкина. — М. : Дело, 2016. — С. 161–188.

18. Филатов С. В. Антикоррупционная экспертиза: практика и проблемы реализации / С. В. Филатов // Законность. — 2014. — № 9. — С. 40–42.

19. Толстикова И. Н. Об обязательности проведения антикоррупционной экспертизы проектов локальных нормативных правовых актов организации / И. Н. Толстикова // Административное и муниципальное право. — 2018. — № 3. — С. 43–51.

20. Коробкин А. Н. Проблемы осуществления независимой антикоррупционной экспертизы / А. Н. Коробкин // Журнал российского права. — 2012. — № 9. — С. 60–65.

21. Кудашкин А. В. К вопросу о предмете и объекте антикоррупционной экспертизы / А. В. Кудашкин // Административное и муниципальное право. — 2010. — № 8. — С. 26–30.

22. Южаков В. Н. Судебная практика по вопросам антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: современные тенденции и пути совершенствования / В. Н. Южаков, А. А. Ефремов // Арбитражный и гражданский процесс. — 2016. — № 10. — С. 23–29.

23. Севрюгин К. В. О принципах института антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов Российской Федерации / К. В. Севрюгин // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. — 2016. — Т. 2, № 3. — С. 157–168.

24. Агеева О. В. Проблемы правовой регламентации антикоррупционной экспертизы в федеральном законе «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» / О.

В. Агеева // Актуальные проблемы экономики и права. — 2009. — Т. 3, № 4.
— С. 12–17.